

факт, что в книге *полностью* приведены только строфы, которые были даны в цензурной рукописи, диктует другой вывод: план «избранного» изложения строф, первоначально принятый для цензурной рукописи, продолжал играть свою роль и на стадии подготовки книги к печати. В соответствии с этим планом готовилась цензурная рукопись, на него автор ориентировался и при окончательной редакции оды. Эти наблюдения и выводы помогают ответить на вопрос, имеет ли данный план — перечень «избранных» строф — прямое отношение к полному (в 54 строфы) составу оды.

Г. П. Макогоненко конкретно этого вопроса не ставит и не рассматривает. Но из того, что он доказывает тождественность редакций оды «лонгиновского» списка и цензурной рукописи, их «равноправность», с одной стороны, и заявляет, что печатный текст (в составе 50 строф) «резко отличается от первоначального (списки цензурный и «лонгиновский») — с другой,¹⁴ следует: план изложения «избранных» строф оды возник на основе полного (в 54 строфы) состава, а к окончательной редакции (в составе 50 строф) он не имеет будто бы никакого отношения. К этому варианту Радищев пришел, по мысли исследователя, из самой последней стадии работы, а именно — когда отказался от плана изложения избранных строф. Но это не подтверждается сопоставлением нумерации строф разных составов оды.

Из первых 17 названных в перечне и изложенных в цензурной рукописи строф только 1, 3, 4, 6 и 7 точно совпадают (своими номерами и содержанием) с «лонгиновским» текстом. Строф этого списка под номерами 10, 13, 22 и 23 вообще нет в цензурной рукописи, хотя к изложению они запланированы. Зато оказались прочтенными 12 и 21 строфы, тогда как в перечне о них не было даже упомянуто. Вообще начиная с 10-й строфы между планом и общей нумерацией строф «лонгиновского» списка нет соответствия: строфе 10-й цензурного состава соответствует 11-я «лонгиновского», 11-й — 12-я, и т. д. Именно это несовпадение позволило Г. П. Макогоненко определить номера двух исключенных строф — 9-й и 24-й. Но оно же говорит и о том, что к «лонгиновскому» списку и (что то же самое) к тому варианту, с которого он воспроизведен, план-перечень не имеет ровно никакого отношения. Перечисляя избранные строфы, Радищев имел в виду другую редакцию стихотворения — в составе 50 строф. *Ко времени составления цензурной рукописи у него под руками была именно эта редакция*: из нее избирались строфы и перечислялись под соответствующими номерами, а не из той редакции, с которой был снят «лонгиновский» список.

Как уже было отмечено, сохранившиеся листы цензурной рукописи дают все указанные в перечне (с 1 по 23) строфы. 9 и 24 в этот перечень не вошли потому, что *они были изъяты (как и еще две другие между 24 и 38 строфами «лонгиновского» спи-*

¹⁴ Макогоненко Г. П. Радищев и его время, с. 400—404.